

САША ОКУНЬ

Кстати...

**ОБ ИСКУССТВЕ
И НЕ ТОЛЬКО**

Слово/Slovo
Москва 2020

УДК 008(084.1)

ББК 71.4

0-52

Дизайн книги
Оксаны Лебедевой-Скочко

Печатается по соглашению
с Международным Литературным
Агентством ELKOST Intl.

ISBN 978-5-387-01613-4

© Саша Окунь, все права защищены, 2020
© СЛОВО/SLOVO, издание, 2020

За дружбу, долготерпение, доброжелательность и ценные замечания низкий поклон И. Губерману, Л. Скобкиной, О. Шмуйлович и Л. Улицкой.

Отдельная благодарность моему литературному агенту Юлии Добровольской.

Пока писалась эта книжка, произошло много разных событий, а пока она «вызревала» — еще больше. Все это время вокруг меня были люди, которые, по большей части сами того не зная, так или иначе влияли на меня, наталкивали на какие-то размышления, идеи et cetera. В знак признательности, я хотел бы каждому из них посвятить если не всю книжку, то хотя бы главу, но столько глав мне не написать. Поэтому я просто перечислю здесь их имена: Аня, Боря, Алла, Ася, Анатолий Михайлович, Вера, Веня, Галит, Генриэтта, Гриша, Данила, Жанна, Женя, Катя, Карина, Левушка, Лика, Люся, Ира, Изя, Ирит, Сандро, Игорь, Тата, Таня, Исаак, Ицик, Ксана, Лариса, Лиля, Ленич, Лена, Лида, Лизавета, Люба, Макс, Марина, Марек, Маша, Майкл, Миша, Оля, Надя, Нина Геннадиевна, Номи, Нонна, Патриция, Сандра, Саша, Сеня, Сандрик, Стас, Франческа, Хагай, Хедва, Эмик, Галя, Цвика, Элис, Юваль, Юлик, Юра, Яша. Спасибо вам, друзья.

Предисловие

Кажется, главное слово в книге Саши Окуня — слово «кстати».

Любой разговор об искусстве — а вроде бы это здесь главная тема — вдруг может прерваться, потому что «кстати» возникла побочная ассоциация, вспомнился случай или человек: в текст, расталкивая теоретические рассуждения, полезло автобиографическое. Жанр гуляет от трактата к байке, от мемуара к публицистике и обратно, потому что «искусство — это не более и не менее как один из видов жизни... а в жизни жанры перемешаны, на то она и жизнь, что гуляет, как хочет и как придется». Такой вот ритм — спонтанный или, лучше сказать, настаивающий на спонтанности, поскольку на самом деле «собрание пестрых глав» выстроено достаточно жестко, но апология произвольности (пусть и кажущейся) дает автору возможность и на уровне самой композиции сообщить о том, что он любит и чего, напротив, сильно не любит.

А не любит он заданности любого рода. Умозрительных теорий, ярлыков, навязанных иерархий и искусствоведческих, а также кураторских концепций как таковых. Впрочем, эта неприязнь не мешает ему анализировать и описывать вещи — Фрагонара ли, зеркало, в которое смотрится Беллиниева Мадонна, или высокий горизонт русских (и низкий — советских) картин, — с искусствоведческой тонкостью. Или нет, все-таки это тонкость иного рода: взгляд художника, восприятие изнутри, в соответствии с которым выстраивается шкала предпочтений — как правило, уже не общих, а персональных, по именам. Говоря о своих любимцах, Саша Окунь не скупится на сравнения их с великими (Пинзеля — с Бахом и Тинторетто, Бальтюса — с Вермеером): и к черту принятый порядок («кто и почему оккупирует пер-

вую позицию в табели о рангах?») — я, автор, волен установить собственный порядок.

«Установить» — не совсем точное слово: здесь вовсе нет претензий на истину в последней инстанции. Все рассуждения и умозаключения сугубо личные, и это подчеркнуто личное начало — лейтмотив книги. Поперек художественной моды, поперек «прогресса», то и дело удостаивающегося пылких инвектив: как ни относиться к выпадам в сторону политкорректности, движения MeToo, феминизма или выхолощенных кураторских проектов, они исполнены с фехтовальной красотой и точностью. И с юмором, конечно: чего стоит один рассказ о том, как в музее современного искусства жену автора приняли за инсталляцию и попытались проанализировать! Юмор — тоже знак «живого», противопоставленного всему, что устоялось, освящено авторитетами и, значит, омертвело: всем канонам и правилам хорошего тона в целом. Живая речь, прихотливое движение мысли — не всегда последовательной, но это не страшно — интонационное обаяние искупает ее возможные «заносы».

Конечно, далеко не все оценки автора я готова разделить, и по ходу чтения во мне не раз начинал раздраженно пофыркивать искусствовед: почему, например, Хогарт — автор одной картины? А невероятные «Слуги»? а автопортреты? А «Модный брак»? Но никакие несогласия не помешали мне «проглотить» книгу залпом, не отрываясь. Чего и всем желаю.

Галина Ельшевская
искусствовед

Наверняка всем известно, что такое Garage Sale. Как правило, это дешевая распродажа, которую, переезжая, устраивают люди с тем, чтобы избавиться от вещей, которые либо не понадобятся на новом месте, либо которые проще будет купить, чем тащить с собой.

А бывает так, что помрет человек, и его наследники, руководствуясь принципом «с паршивой овцы — хоть шерсти клок», перед тем, как выкинуть на помойку ненужные им вещи, выставляют их на продажу: поди знай, вдруг кому-то понадобятся осколки того, что когда-то составляло часть жизни человека или, если хотите, было его портретом, только созданным не красками, а предметами.

Эта книжка — своего рода Garage Sale. Только вместо предметов здесь составляющие важную часть жизни автора картины, рисунки, скульптуры, города, а также истории, тем или иным образом с ними связанные. «Тот, кто хоть раз бывал в Италии, уже никогда не будет всецело несчастлив». В этих словах Гёте Италия (и по справедливости именно она) является не столько географическим, сколько метафорическим понятием. И включает оно в себя не только улицы Рима, живопись Понтормо, скульптуру Микеланджело и музыку Вивальди, но и каналы Амстердама, и «Каменоломню» Гауди, и скульптуру Пинзеля, и музыку Канчели, и живопись Матисса. Тот, для кого портреты Рембрандта, натюрморты Петрова-Водкина, кони Марино Марини, пейзажи Сислея стали частью жизни, никогда не будет «всецело несчастлив».

Вместе с тем, кроме такого «барахольного» аспекта, есть в этой книжке и другой. Наверняка каждый из тех, кто держит ее в руках, бывал влюблен. А раз так, то ему знакомо неудержимое желание говорить о предмете своей страсти,

необходимость поделиться своим счастьем, ибо оно, такое огромное, распирает человека, не помещается в нем.

Конечно, человек, пристающий к ни в чем не повинным людям со своими излияниями, достаточно утомителен и назойлив: в конечном итоге, какое им дело до его любви?

И хорошо еще, ежели любовь у него одна, а когда их несколько? Да-да, автор этой книжки настолько любвеобилен, что смахивает на сильно постаревшего Керубино, что, согласитесь, довольно смешно.

Однако что хорошо в книгах в первую очередь? А то, что их можно и не читать. Стало быть, те, в ком предметы увлечения автора интереса не вызывают, попросту эту книжку читать не будут.

Ну а тем, кто разделяет с автором его полиаморные страсти, этот разговор, возможно, доставит известное удовольствие, ибо людям приятно говорить друг с другом о том, что они любят.